

Узнав, что Цинь Унянь не скрывал женитьбы, Бан Юньфан наконец-то немного повеселела. Достав телефон, ноутбук и планшет, она уселась у кухонного острова в кухне открытой планировки и со всем возможным сосредоточением принялась следить за развитием событий.

Бан Юньфан успела задать им всего два вопроса, после чего её телефон уже не затихал ни на минуту. Она одновременно отвечала на звонки, следила за реакцией в сети и обсуждала с коллегами в рабочем чате дальнейшие действия — быть менеджером давалось ей как непросто.

Пока на её фронте шла бездымная война, в гостиной лицом к лицу сидели Цинь Унянь и Сун Чэн. Правило было простым: враг не движется, и мы не рыпаемся.

Цинь Унянь в упор разглядывал Сун Чэна, словно надеясь прожечь в нём дыру. Сам же Сун Чэн едва ли не восхищался собственной выдержкой: даже в такой ситуации у него почему-то не возникало импульса дать деру.

Опираясь на недавний опыт пребывания в больнице, Сун Чэн пришёл к выводу, что его главные черты характера — это трусость, безденежность, капелька тревожности и щепотка социофобии. Всё вышеперечисленное, разумеется, относилось к недостаткам. Что же до достоинств, то хвастаться ими Сун Чэн не собирался, но...

Он считал себя довольно послушным и никогда никому не доставлял хлопот.

Ах да, Цинь Унянь не в счёт: он всё-таки бывший муж, а если округлить, они и вовсе одна семья, так что пара лишних забот ничего не изменит.

Сун Чэн сидел с чистой совестью. Он вовсе не думал, что огласка их брака способна хоть как-то навредить Цинь Уняню. Судя по результатам недавних поисков в сети, какой бы шторм ни поднялся вокруг самого Сун Чэна, он всё равно не шёл ни в какое сравнение с тем шумом, который умел создавать сам Цинь Унянь.

Зазнайство, презрение к контрактным обязательствам, демонстрация богатства, полное пренебрежение имиджем кумира, привычка лично пикироваться с хейтерами в интернете, задирать ведущих, продюсеров и менеджеров — казалось, не было такого человека, которого он побоялся бы задеть. В начале карьеры он ещё кое-как сдерживался, но с годами пускался во все тяжкие. Фанаты, которые поначалу верещали и грозились предать его анафеме, теперь относились ко всему философски, а порой, finding его чересчур благовоспитанным, даже оставляли коллективные послания.

— Учитель Цинь, задери кого-нибудь ещё, а то план по KPI на этот месяц ещё не выполнен.

В этих последних трёх восклицательных знаках ему почему-то послышалось искреннее пожелание удачи.

По сравнению с домашним насилием тайный брак и впрямь казался сущим пустяком.

Упомянув об этом, Бан Юньфан вдруг вспомнила, что Сун Чэн всё ещё здесь. Переведя взгляд с него на Цинь Уняня, она бросила:

— Вы тут сидите, а я пошла. Проводить не надо, ха-ха-ха.

Впрочем, если подумать, по паспорту он местный житель, так что крыша над головой у него наверняка есть, да и при разводе с Цинь Унянем ему точно досталась какая-то часть имущества.

Сун Чэн и впрямь не подумал об этом. Поддавшись первому впечатлению, он решил, что он ужасно беден и те несколько сотенных купюр — всё его достояние. Откуда ему было знать, что стоило переступить порог дома бывшего мужа, как вся эта иллюзия тут же рухнет.

Заметив растерянность Сун Чэна, который задолго не мог подобрать оправдание, Цинь Унянь холодно усмехнулся.

Он так и знал.

Сун Чэн был рецидивистом и лжецом: он появлялся только тогда, когда ему кто-то был нужен, а стоило отпасть необходимости — смывался в два счёта. И хотя Цинь Унянь понятия не имел, в какую беду тот на сей раз вляпался, было очевидно: ему снова понадобилась помощь. Вот он и заявился на порог ничто сумняшеся, даже не подумав, остался ли он спустя четыре года тем же круглым дураком, готовым по первому зову исполнять любые прихоти.

Цинь Унянь поднялся, собираясь уходить. Но когда он проходил мимо, чья-то рука вдруг перехватила его запястье. Руки самого Цинь Уняня были теплыми и сухими, а вот ладонь, вцепившаяся в него, от переживаний покрылась испариной и казалась совсем ледяной.

Он словно оцепенел под действием парализующего заклинания, хотя того усилия, с которым Сун Чэн держал его, хватило бы, чтобы сдвинуть с места разве что испуганного хомяка.

Сун Чэн запрокинул голову. Внятного оправдания он так и не придумал, поэтому просто смягчил тон и произнёс с обиженной ноткой в голосе:

— Я ранен.

Цинь Унянь резко повернулся и уставился на него, но с места не сдвинулся.

Словно уловив смысл этого взгляда, Сун Чэн указал на собственную голову:

— Вот здесь ударился.

Затем он приподнял край футболки, обнажая сплошную полосу синяков и ссадин:

— А это содрал о дорогу.

Рану на голове скрывали волосы, так что она не бросалась в глаза и не производила сильного впечатления, но с телом дело обстояло иначе. Не считая съёмок в кино, Цинь Унянь никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь получал столь тяжёлые увечья.

Он на мгновение замер, пальцы его чуть дрогнули — казалось, он хотел опуститься на корточки или осторожно коснуться пострадавшего места. Однако через несколько секунд он всё же сдержался, и даже лицо его вернуло прежнее холодное выражение:

— Содрал? Как это тебя угораздило?

Припомнив это, Сун Чэн даже приосанился:

— Я спас на дороге девочку. Если бы не я, пострадала бы она.

Цинь Унянь холодно усмехнулся:

— Ну ты просто герой хоть куда. Перенос боли, обмен жизнями... Ты случайно не возомнил себя великим спасителем?

Сун Чэн захлопал глазами, глядя на него:

— Разве я не могу так думать?

От этого взгляда у Цинь Уняня перехватило дыхание, и слова сорвались с языка быстрее, чем он успел подумать:

— ...Можешь.

Сообразив, что он только что ляпнул, Цинь Унянь поспешно добавил:

— У каждого свои тараканы в голове. Лично по моему мнению, ты — круглый дурак.

Помолчав немного, Сун Чэн спросил:

— Раз уж я такой дурак, не разрешишь ли мне пожить у тебя пару дней?

Пальцы Цинь Уняня судорожно дёрнулись пару раз, но на лице застыло всё то же непроницаемое выражение:

— Раз уж ты так умоляешь, буду считать это благотворительностью.

Он бросил на Сун Чэна взгляд:

— Идем.

Сун Чэн тут же вскочил на ноги. Заметив, с какой поспешностью тот поднялся, Цинь Унянь на секунду прищурился, мимоходом скользнув взглядом по его торсу.

Он жил в этом доме со времен окончания университета. Всего здесь было пять спален, но Цинь Унянь обитал в одиночестве: три комнаты он переоборудовал под мужской рай, а четвёртая, оставшаяся нетронутой, находилась на первом этаже и предназначалась для родителей на случай их редких визитов.

Переступив порог и окинув взглядом богатое убранство в солидном стиле председателя совета директоров, Сун Чэн выдавил из себя неискренний комплимент:

— Очень красиво.

Не желая тратить слова на его неубедительную игру, Цинь Унянь протянул руку и лениво бросил:

— Телефон сюда. Я редко бываю дома, перед уходом не забудь предупредить.

Тут он бросил на Сун Чэна косой взгляд:

— Старый номер ты забросил, так что давай новый.

Не уловив скрытого подтекста, Сун Чэн опешил, полез в карман и извлёк оттуда мобильный. Вот только сим-карты внутри не было. Поколебавшись мгновение, он протянул аппарат на ладонь Цинь Уняню:

— Мой телефон машина переехала пополам, это запасной...

Уставившись на этот артефакт, покоящийся на его ладони, Цинь Унянь неожиданно умолк.

Он прекрасно помнил этот телефон — именно такой модели был у Сун Чэна, когда они только познакомились. Год спустя тот купил новый, и Цинь Унянь никак не ожидал, что спустя столько лет муж до сих пор хранил старый.

Пару секунд спустя Цинь Унянь молча вернул телефон владельцу:

— Старик уже в почтенном возрасте, пожалей его, пусть продолжает отдыхать на пенсии. Наверху лежит рекламная продукция от брендов, я пользовался от силы пару раз — забирай.